

Николай Семенович Лесков

Геральдический туман

Николай Семенович Лесков
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ТУМАН
(Заметки о родовых
прозвищах)

*Всякий имя себе в сладостный дар по-лучает.
Феокрит.*

На сих днях вышла книжка покойного Карповича о родовых прозвищах.[1] Это сочинение так же интересно, как прежнее превосходное исследование названного автора о замечательных богатствах частных лиц в России. Критиковать настоящим образом новый труд Карповича трудно. Это мог бы разве сделать человек, способный соперничать с самим автором в удивительном трудолюбии, систематичности и памяти, но теперь недород на таких людей, да нет и места, где бы можно было печатать обстоятельные и подробные критические разборы. Таковы теперь времена и таковы нравы, а потому любопытная книга о прозвищах, конечно, не дождется скоро основательного критического разбора. Другое дело — поговорить по поводу ее о том же самом, что в этой книге так интересно затронуто. Это нынче принято, и, в сущности, это в своем роде небесполезно, потому что все-таки восполняет общую картину и

кое-что иллюстрирует и объясняет.

Самое характерное в изображенной Карновичем родовитой картине — это недостоверность родословий и общее стремление так названной русской знати производить себя от иностранцев. Такой общей слабости заплатил дань даже и сам царь Иван Грозный, который тоже гнушался русской породы и сочинял себе происхождение от именитых чужеземцев.

Давно чувствовалось и казалось смешным верить во многие русские родословия, но Карнович многое в этом роде уяснил, доказал и дал средства о многом догадываться и искать дальнейшего. Без сомнения, догадки Карновича для многих не получают доказательности и нашего геральдического тумана не рассеют, но именно по тому самому, кажется, теперь и прилично будет вспомнить, кто что знает подходящего для освещения туманных картин русского именитства.

Это притом же может быть сделано в простой и самой неутомительной литературной форме кратких воспоминаний и заметок.

Кичливость происхождения «от древних родов» присуща совсем не одной родовой зна-

ти. «Выскочки» и так называвшиеся со введения откупов «прибыльщики» тоже отличались большим желанием «сочинять себе небывалые роды». И поныне множество «разночинцев», не прославленных никакими высокими заслугами, любят кичиться своим сомнительным происхождением. Это не дивно, но странно и удивительно то, что многие из таких лиц, кичащихся своим прозвищем, имея уши, не слышат, что у них есть множество однофамильцев несомненно чисто русского и притом самого простонародного происхождения. Из старых знатных родов я никогда не встречал однофамильцев в простонародии только у одних Щербатовых. Есть Щербаковы, Щербачовы, даже Щербатые, но Щербатовых никогда не встречал. Остальные все имеют однофамильцев, и потому геральдические изыскания о том, каким иностранцем занесено их известное родовое прозвище, всегда более или менее смешны и сомнительны.

Попробуем отметить насчет этой родovitости то, что многими простыми и наблюдательными людьми было примечательно ранее изыскания Карновича. Начнем хоть с родо-

словья Потемкиных, идущего будто бы из Польши. Пусть так, допустим, что у «князя Тавриды» предок был «вольный шляхтич польский», а не «битый русский холоп», но от какого бы чужого корня ни производили себя князья Потемкины, а в России как будто помимо их прародителя есть очень много мужиков, которые тоже носят как раз эту самую фамилию. Сведение это можно подтвердить даже справкою в петербургском адресном столе, так как у моих здешних знакомых было две кухарки по фамилии «Потемкины», и притом одна из них называлась «Татьяна Борисовна», крестьянка Ямбургского уезда. «Потемкины» улицы и особенно «Потемкины переулки» есть в очень многих городишках, где никогда никому не приходило заботы чувствовать государственного деятеля екатерининского царствования наименованием улиц и переулков по его фамилии. «Потемкины переулки» получили такое название оттого, что в них темно, потемки. Также о бедных дворах, где иногда зимою «без огня сидят», — говорят: «Что это у вас потемкин двор», «это из потемкина двора». А далее обитатели этого двора

станут уже совсем Потемкины.

Вот и вся история, а чтобы ее расцветить в благородном тоне, придумывается геральдическая басня, и «пустоплясы элозят перстом по герольду».

«Толстые», по мнению многих, тоже непременно русского и притом самого простонародного происхождения. Это можно видеть и по усиленно простонародным обличьям многих почтенных лиц, носящих эту фамилию.

Таковы, например, покойный граф Алексей Константинович и особенно ныне здравствующий Лев Николаевич.[2] К тому же Толстых очень много, и они не только не все графы, но даже не все и дворяне. Есть Толстые торговцы и ремесленники. Кто, например, не знал в Москве знаменитого в свое время часовщика Толстого? В г. Кромах у церкви св. Никития жил отставной солдат Толстой, и он был наилучший набойщик, производивший на весь уезд знаменитые набойки и крашенины, которые «не боялись ни пару, ни щелку». Их так и звали «толстовские набойки». Я позволил бы себе выразиться точнее так, что Толстые, вероятно, пошли из тех мест Орлов-

ской или Тульской губернии, где люди в разговоре окают, а не акают. Где окают, там и ударение переносят на о, и потому говорят: «он такой чистóй да такой толстóй». Где же много ребят или много девок с одинокими именами (например, Ваньки, Таньки), — там сами товарищи или подруги избегают кликать друг друга по крестному имени, потому что много Ванек и Танек, и «не разобрать, которых надобно». Вот, «чтобы лучше разобрать», ребята же сами и дают сверстникам прозвища: «рябáя», «круглáя», а парень — «тощóй», «толстóй». Прозванный так по своей внешности парень или девка вырастают, а кличка остается с ними и не только сопутствует на всю жизнь тому, кто ее получил, но и становится родовой фамилией идущего от него «нового отводка». Отводки же эти в крестьянстве делаются через разделы часто, и к сожалению, кажется, даже слишком часто (об этом хорошо пишет Энгельгардт). Когда двор разделяется, часто является и новое прозвище. Был, положим, двор Хлоповых, и всех из этого двора так и звали «Хлоповы», но с тем как происходит дележ, то брат, остающийся

на месте, продолжает быть Хлопов, а того, который отвелся в «отводок», начинают уже кликать по кличке. Звали этого Ваньку «рябóй», «толстóй», или «мертвóй», — так уж ему и пойдет от этого «звание». И вот являются Толстые, Рябые и т. д. От этих же отводков идут и такие фамилии, как Мертваго, Живаго, Веселаго и т. п. Все это после иногда выдается за нерусское происхождение, но если добросовестно поискать, то откроется кое-что и русское... Есть даже фамилии или прозвища, по видимому, совсем не русского, а чужеземного корня, но как поищешь да посравнишь, то и в этих случаях многое переходит на русскую долю.

Как на анекдот в этом роде, укажу на довольно распространенную в России фамилию, звук которой таков, что все слышат в ней нерусское происхождение и даже прямо чувствуют в ней происхождение итальянское. Эта фамилия, о которой я говорю, есть Алферьевы. Их очень много везде, и в Петербурге, и в Москве, и в Орле, и в Киеве. Были из Алферьевых писатели, поэты, профессора, генералы, но больше всего чиновники и мелко-

поместные. Канцелярия старого московского сената считала одно время у себя «целое племя» Алферьевых, хотя некоторые из тех Алферьевых были между собою не родня, а только однофамильцы. Было по Москве много еще и других Алферьевых, и все они были не старые родовитые дворяне, а из чиновников и отчасти из «колокольных дворян», то есть из духовенства. Некоторые из Алферьевых, разумеется, получили «дворянское достоинство» по «ассессорскому чину», но старого, «родового дворянства», или особенно дворянства «не по грамоте», — в родах Алферьевских нет. Между линиями же Алферьевых один московский отводок отличался образованностью и другими хорошими качествами, и тут были усвоены уже некоторые приемы родовитой знати. Эти Алферьевы (тоже не дворяне) были по мужской линии Сергей и Иваны, а по изотчеству Ивановичи и Сергеевичи, а женщины Анастасии и Елисафепы (так: Елисафепы). Один из них, Василий Сергеевич, печатавший стихи и посвящавший их «своей Гурлиньке», слыл даже за очень ученого, каковым, впрочем, кажется, не был. Он был чиновник како-

го-то московского отделения и по русской привычке свое дело считал за неинтересное, а любил заниматься тем, что до него не касалось. Так, например, он, кроме поэзии, любил геральдику и сам был немножко похож на геральдического льва, но женат был на своей служанке. Он «выводил роды» сам или, кажется, при посредстве какого-то московского сих дел мастера. Тогда было сильное геральдическое поветрие, и «выводить родословные» составляло занятие очень благородное и прибыльное.

Тогда были на это и сих дел мастера. Приходит, бывало, какой-нибудь «из прибыльщиков» к этакому мастеру и говорит:

— Вытравь ты из меня народное пятно и сведи с старым родом, и озолочу.

И озолачивали.

Надуть «выводчика» было невозможно, потому что тот владел всем секретом фальшивой родословной и сейчас же мог «пугнуть доносом», а тогда все и пропало.

Учеными московскими изысканиями род Алферьевых был произведен от «знаменитого итальянца Альфиери». И это всем показалось

так вероятно и так очевидно, что всяк этому верил и многие посеичас еще верят.

Моя матушка происходила из этого рода Алферьевых, и мы с детства привыкли знать, что «Алферьевы итальянского происхождения». О дяде моем, недавно скончавшемся профессоре Киевского университета С. П. Алфереве, который был смолоду недурен собою, так и говорили, что в нем «видна тонкая итальянская порода». (Он имел мелкие черты ярославского типа.) И везде, где я ни встречал Алферьевых благородного звания, все они охотно сказывались «от Альфиери», хотя все они между собою не родня и пришли от небытия на свете в различных местах общероссийского рассеяния. Моих московских дедов: Петра Сергеевича, Ивана Сергеевича и ученого Василья Сергеевича иногородные Алферьевы и слыхом не слыхали... Как так повсеместно размножился в России италианец Альфиери, словно еврейский Коген, что и не счесть его потомков?.. Долго я этого понять не мог, но случилось мне раз в уездном городке Пензенской губернии, по названию Городище, встретить на оконной ставне надпись: «порт-

новó-Алфeрьев», и тут я получил вразумление. Сначала я был смущен, за что потомки Альфиери посланы в такую далекую глушь и стали здесь так низко, но дело разъяснилось совсем не так.

Я думал, что на ставне двойная фамилия (есть ведь тоже фамилия Портнов и есть тоже некто из этой фамилии, тоже производящий себя из иноземцев и подписывающийся «Портновó», или даже «Портнуво»). Но оказалось, что «портновó» это просто значит портной, а фамилия тому портному действительно Алфeрьев.

Я любопытствовал узнать, откуда он происходит, а «портновó» отвечает:

— Откуда же может быть наше происхождение, как не просто из мужиков: господа нас от сохи брали и отдавали в город в ученье — вот и все наше происхождение.

— А в деревне у вас, — спрашиваю, — разве тоже есть Алфeрьевы?

— Как же, — отвечает, — наш весь двор все Алфeрьевы.

— Кто же вас так прозвал?

— Да как же нас иначе прозывать? — это

так шло по закону.

Что еще, думаю, за закон!

— Расскажите, — говорю, — мне, благодетель, меня это занимает. Я вам работу буду давать.

— Очень, — говорит, — благодарен, а что вас занимает — не понимаю.

— Да вот скажите вы мне, вы коренной русский?

— Уж чего лучше быть нельзя.

И в самом деле, лицо у него даже будто не лицо, а скорее, что называется, «рожество твое».

— Так как же, — говорю, — вам, чистым русским, деревенским людям могло прилипнуть такое чужеземное прозвище?

«Портновó» удивился.

— Помилуйте, какое же, — говорит, — у меня чужеземное прозвище?

— Ваша фамилия — Алферьев?

— Алферьев. Мне другой фамилии и быть не могло; у меня фамилия от родителя.

— Да родителю-то вашему кто ее дал?

— Поп дал.

— Как так поп? — попы крестные имена

нарекают, а не фамилии.

— Да ведь это все от одного и есть! Стал поп крестить и нарек Алфёр. Как отец с дядей разделились, наш двор и стали «Алферьев двор» звать.

— Позвольте, — говорю, — да разве есть имя Алфёр?

— Как же! Дядю звали Вукол — от него пошли Вуколовы,[3] а от нашего отца, от Алфёра, стали Алферьевы.

— И что же... ваш отец... именинник бывал на Алфёра и причащался с этим именем?

— Как же! Именинник бывал четвертого августа, за день до Преображения, и причащался Алфёром на свое имя.

«Батюшки! сватушки! — думаю. — Выносите святые угодники!» За всех Алферьевых мне теперь вдруг стало больно и неловко. А что же значат все ученые изыскания моего геральдического деда?.. Мужик Алфёр так словно и проглотил итальянца Альфиери, да и размножиться ему по Руси было способнее, чем у себя дома...

Все это напомнило историю Тригопортов, и все вдруг как-то осермяжилось и стало со-

всем не то, чем представлялось в моем воображении до моей роковой встречи с господином «портновó».

Но что такое сам Алфёр? Есть ли такое имя? Я не слыхал и не начитывал такого имени.

Я начал спрашивать об Алфёре у некоторых священников, но они, как принято у них, будучи заняты высокими вещами, никакими пустяками не занимаются и об Алфёрах ничего не знали.

Приехав в Москву, я взял «полный месяцеслов» (которого в русских церквах никогда не видал): Алфёра в месяцеслове нет, а зато есть девять Еливфериев, и одного из них праздник живет как раз 4 августа, то есть «за день до Преображения». Сей Еливферий — византиец, усекнутый мечом при Максимине, очевидно, и есть для нас Алфёр! И Еливферий персиянин, и Еливферий парижский, и все прочие Еливферий, которым даже «особливого дня нет», — для нас это всё Алфёры, и во имя их ходят мужики Алферьевы.

Вот тебе и весь секрет итальянского родословия Алферьевых открылся. И с той поры

Алфёр мне стал ясен и прекрасен, и право его давать русским людям такую звучную фамилию, которой напрасно гордятся италианцы, — в моих глазах неоспоримо.

Месяцесловный Еливферий — это и есть наш бытовой Алфёр. Городищенский «портновó» мне говорил умные и правдивые речи: ему «не могло быть иной фамилии». Детей Алфёра нельзя иначе назвать, как «дети Алферьевы», а потому они и правильно это имя себе навсегда «в сладостный, дар получают».

Есть на юге фамилия Пранц. Многие из людей этой фамилии тоже считают себя за потомков иностранных выходцев, но, по-видимому, не все они все-таки довольны своею фамилиею и не прочь ее подправлять. Отсюда являются Принцы и Францевы. В существе фамилия Пранц есть чисто малороссийская, мужичья. Пранцов есть довольно в крестьянской среде. Пранец — это французская болячка. Пословица сулит неверному мужу «пранца», то есть французской заразы. Больной известной болезнью называется «пранцоватый» или «пранцовитый». Зложелательство говорит: «дай бог тебе пранца». Больное семей-

ство называется «пранцюватые», или, короче, «пранцы». Вот вам и «иностранная фамилия», совершенно такого же происхождения, как Шелудяковы, Паршины или Коростовцевы.

Шелудяковы есть по купечеству, а Коростовцевы есть и дворяне, но Паршиных встречаешь только в крестьянстве — выше сейчас же начинается подправка, и являются Паншины и т. п.

Народ тоже переправляет фамилии господ, но делает это без претензий, а по своему «ладу и складу». Из Шениг он делает Шелих, из Рибопьер у него выходит или Любоперт, или Рыбопляс, а иных иностранных прозвищ, мужик и совсем не решается произносить; такова, например, для него фамилия Пистолькорс. Но другие и иностранные фамилии нравятся. Так, например, в Орловской гимназии во время моего детства был инспектор из иностранцев Шопин, и по дворянству эта фамилия всем совершенно не нравилась до того, что даже кто-то куда-то писал об этом, а со стороны господ офицеров квартировавшего тогда в Орле Елисаветградского гусарского полка «были вольности», но добрые орловские му-

жички находили эту фамилию прекрасною.

— Простая, — говорили, — и сразу вспомнишь.

Слово иностранное, но пришло по вкусу и по сердцу.

Потомок этого Шопина сделал поправку и стал писаться «Шорин».

Есть зато и просто народные прозвища, над происхождением которых сам народ как будто удивляется; таково, например, странное и очень распространенное прозвище Бабарыкиных. Над этим прозвищем давно подшучивают, и, наконец, где-то выдумали даже байку, будто был «однодворец Рыкин», а жену его или его бабу называли «баба Рыкина». А как эта «баба Рыкина» была очень бойкая и имела в семье значение более, чем ее муж, то при всяком деле ее все и вспоминали: «Что-то, мол, скажет баба Рыкина». От этого будто и пошло однодворческое прозвище Бабарыкиных. Шутка шуткою, а «однодворец», однако, тут в самом деле как будто пристал к стати.

Самый большой рассадник однодворчества (не из западной шляхты, а настоящего русского «владельца» однодворчества) нахо-

дится в Орловской губернии, и тут между одnodворцами очень много Бабарыкиных. В чисто одnodворческих селениях бывает так, что, например, в Труфанове еще на моей памяти были всё Сотниковы, а насупротив, через ручей, в Ерохине почти каждый двор Бабарыкины.

Когда по Орловской губернии в 1847 году прошла по осени опустошительная холера, то она убрала много молодых и сердовых мужиков. Во многих дворах на хозяйстве остались одни бабы. Они вдовели или совсем одинокие, или же с маленькими детьми. Но крестьянской бабе в таком положении вдовствовать не приходится, потому что ей «не с кем двор поднять», а нельзя ей тоже выйти и «за чужого хозяина», чтобы «свой двор не спустить». В крепостных деревнях в подобные дела, бывало, вступался помещик или управитель, и молодой вдове «давали мужика во двор» «за наказание» из дворовых. Но одnodворке надо было самой это устроить, — и она все устраивала вполне самостоятельно, или, как нынче говорят, «самобытно», а притом и просто оригинально, и... в своем роде ориги-

нально.

Одинокая однодворка во вдовом положении с собственным хозяйством чувствует себя и серьезно ответственной и очень важной: она сразу приобретает большую солидность и разум. И все это оттого, что она чувствует себя самостоятельной. У нее превосходная роль: она будет выходить замуж на особом положении: не ее будут выбирать женихи, а она будет «выбирать мужика во двор»... Это штука серьезная, и если баба, отыскивающая себе «мужика во двор», домо-вита и держит себя нескаредной хозяйкой, так она становится чрезвычайно интересным лицом, и «ей услужают». (Красота тут, разумеется, ни при чем: «с красоты не воду пить», а чтобы угощение было хорошее.) Все хлебо-сольной однодворке «подыскивают мужика», все ее походя сватают!.. Встречные мужики с первым же поклоном друг друга окликают:

— Где, брат, выпил?

— В Ерохине.

— Что там?

— Однодворка, — мужика во двор ищет.

— Чьих ее звать?

— Бабарыкина.

За такой ответ мужик обругается:

— Я, скажет, тебя спрашиваю, как ее спросить? Они там все Бабарыкины, а ты скажи: как ей фумелия?

Но как однодворке Бабарыкиной «фумелия» — этого обыкновенно ни один мужик не знает и лучше начинает «вести по приметам». Либо вспомянет, что у нее «пятно на носу», либо «бельмо на глазу». Тогда, разумеется, нетрудно уже ее разыскать и без «фумелии».

На постоялом в Батавине опять, бывало, дворник кличет:

— Братцы! нет ли у кого охочего мужика во двор? Только охочего, — в Ерохине хорошая однодворка мужика во двор требует. Кто приведет — она угощение ставит.

Разумеется, все понимают, что нужен человек рабочий, но не «из сиволапых», а из вольных однодворцев, в котором еще есть остаток «дворянской крови и собачьей брови».

И на постоялом осведомляются о невесте, из чьих она?

— Бабарыкина.

И опять неудовольствие. Без примет невозможно бы разобрать, сколько есть однофамильных однодворок и сколько их себе «мужиков во двор требуют».

Этот женский тип был так распространен и так общеизвестен в Орле, что когда какая-нибудь состоятельная городская вдова начинала обнаруживать склонность призвать какого-либо счастливец к постоянному исполнению супружеских обязанностей с водворением на жительство, то ее, бывало, сейчас же называют «ерохинскою однодворкою» и говорят, что она «ищет себе мужика во двор».

Но только в высшем круге призвание к исполнению супружеских обязанностей шло хуже: оно никогда не было так живо и так основательно, как приискание мужика во двор по однодворчеству.

Многие у нас сами неведь что думают и рассказывают о происхождении своих фамилий. У меня был знакомый, очень храбрый, но, к сожалению, недалекий человек, окончивший, впрочем, жизнь свою геройскою

смертию. Он гордился своим мнимокавказским происхождением и тем, что «такой фамилии», как у него, «нет более ни у кого на свете». Чтобы походить на человека кавказского происхождения, он коверкал свое русское произношение, а особенность его редкой фамилии состояла в том, что она будто бы «начиналась, с чего все кончается», то есть с твердого знака, или, как он говорил, «с дверди знак»... Я полагаю, что читатель меня не понимает, как и я этого сразу понять не мог, и потому я должен это объяснить.

Знакомый мой писался в бумагах Ервасов, но начертание это признавал неправильным. По его понятиям, это было «испорчено русскими», по несовершенству русского языка, а надо было писать «Ъвасовъ», то есть ставить ер, или «дверди знак», в начале и его выговаривать за ер, а потом писать «васов», — вот и выйдет «Ервасов».

Повторяю, что человек этот был не умен, но он, однако, верно предугадывал, что фамилия его действительно страдает от неправильного начертания. В его метрике после его смерти оказалось, что фамилия его была Гер-

васиев, то есть производное от собственного крестного имени Гервасий. Звук этот так чужд русскому уху, что действительно представляется чем-то чужестранным. Писаря его и переделали ни на что не похоже. Так, например, известного в свое время эмигранта Кельсиева тоже считали за потомка какого-то именитого иностранца, тогда как фамилия Кельсиев тоже «отыменная», то есть происходит от имени Кельсий. Известный у поморян иконописец Денис Тертов тоже был совсем не Тертов, а Тертиев, но он не писался так, «чтобы в нем не сомневались» насчет чистоты его русского происхождения.

Крестные имена у нас часто дают без вкуса и без внимания к тому, как удобно будет с этим именем впоследствии обходиться именосцу. (Почитать на этот счет рассуждения Тристрама Шанди у Стерна русским было бы довольно не лишнее.) Множество лиц обоего пола из комнатной прислуги хозяевам приходится переименовать, чтобы избавить свой слух от повторения того, что отдает, или по крайней мере кажется, неблагозвучием. Это нехорошо. Привычка откликаться не на свое

имя портит серьезность человека. Матрешка, которую прозвали Матильдой, начинает и сама ненавидеть и презирать свое имя. Нет в этом ничего хорошего, а хорошо было бы не доводить людей до такого искушения, — но это никому не приходит в голову. С именами точно шутят или даже иногда как будто отмщевают что-то родителям в именах их детей. Что бедным или скупым прихожанам в деревнях нарекают «трудные имена», — это было много раз указано, но иногда это делается и без злобы, а делу вредит просто особенный педантизм. В одном орловском селе был дьячок, у которого три сына родились все под Васильев день.

— Как, — говорит, — бывало, я пойду касарецкого поросенка колоть, так к моему возвращению дома у дьячихи новый мальчик в фартуке уж и плачет. А батюшка говорит: «Я, братец мой, этому случаю не виноват, что так приходится, — я должен его по правилам наречь». И наречет: «имя ему Василий». И стало у меня так у одного отца да три Васи: одного позовешь — все оглядываются. И прозвали мы одного «большой», другого — «толстой», а

третьего — «малявка». Как-нибудь, а отличать надо. А когда их всех трех в город в училище отдал, в письмах еще труднее стало писать: «Вася, скажи Ваське, чтобы не обижал Васютку». Совсем несть подобия! А если каждому отдельное письмо посылать, то по дьячковскому званию это очень начетисто.

Не скоро дьячок, но изловчился, и это только потому, что имел ум очень находчивый: он поставил у себя «во своем внимании» всех своих трех Васильев «по линии успехов» и именовал их в общем письме отдельно: старшего (философа) — «Василий Иоаннович», среднего (ритора) — «Василий Троицкий», а младшего (синтаксиста) — «Васютка». Письма так и начинались: «Любезные мои дети: Василий Иоаннович, Василий Троицкий и Васютка! Посылаю вам мое родительское благословение, сухарей и гороху и лодыжку ветчины, употребляйте оные с умеренностью и благоразумием, ибо вы дети дьячковские. А ты, Василий Иоаннович, удержи Василья Троицкого, чтобы Васютку не обделял и с соборных причетников детьми не вступал в равное самолюбие», и т. д. «Примите сие мое письмо

в наставление, как от родителя вашего». Так же письма и надписывались всем титулом на три лица и доходили к детям дьячковским по назначению.

У именитых или по крайней мере у «благородных» людей в даче имен была другая удивительная странность. Покойный М. Я. Моршкин вывел из консисторских материалов, что карьерные люди столиц при Потемкине любили крестить сыновей «Григорьями», при Разумовском «Кириллами», а при Чернышеве «Захарами», о благородном Разумовском рассказывают, что он это знал и что это его «очень сердило».

Еще стоило бы заметить о прозвищах «поносных» и «гнусных», которые иногда заменялись начальством на лучшие, а иногда хотя и оставались в своей неприкосновенности, но смысл их исчезал в более высокой среде общества. Известно, например, что фамилия Скобелевых дошла до нас в переделке, которая была вызвана неблагозвучием первоначального их прозвища. Но есть такие прозвища, которые сами по себе для нашего слуха теперь уже ничего неудобного не представля-

ют, а между тем они даны вначале народом по причинам довольно щекотливого свойства. Так, например, есть одна странная фамилия, о которой думают, что она пошла от чего-то важного и даже много значит. Это фамилия Перестанкины. В Орловской губернии я слышал, будто эта фамилия производится «от речки Перестанки», но это невозможно, ибо сама пересохшая река Перестанка переделана, а в народе она называется иначе... Почтовые чиновники в Орле могут свидетельствовать, что орловские мещане и теперь еще иногда надписывают свои письма к домашним не за «Перестанку», а так, что в печати сказать неудобно.

Совсем недостаточно, чтобы простолюдин сделал производное слово совсем не схоже с тем, что он сам именует по-своему совсем иначе.

Разве скорее можно допустить, что само прозвище «Перестанкин» переправлено ради благозвучия, как переправлены прозвища Зе-зерин, Ледаков, Перетасуев и т. п.

Так я и думал, но случай заставил меня и в этом разубедиться.

Один подшлифованный человек, получивший себе в сладостный дар фамилию «Перестанкин», ободряясь успехами в жизни, ощутил слабость к аристократизму и стал считать свою фамилию очень именитою. Он родословие вывел и говорил: «У нас только герольд в коробье сопрел, а то наш род выше среднего: мы от самого болховского князя. В Болхове его род перестал, а наш начался: потому и зовемся теперь Перестанкины».

Странное и даже нелепое это было объяснение, а между тем в нем чувствовалось что-то как будто подходящее: возможно, что что-то в роду было, да перестало, и оттого пошедший отводок стал именоваться в долготу дней «Перестанкины». «Болховской князь», представляющий что-то героическое во мнении орловских простолюдинов, верно припутан к этому родословию зря, но не было ли какого разбойника, вроде воспоминаемого в Прологе Давида, который «губил яко же никто ин боле его», а потом «преста от того» и «понуди игумена некоего страхом постричь его в чин ангельский». Он перестал разбойничать, и «званье ему изменили». В этом роде

дело и разъяснилось.

Поселяюсь я раз на зиму у родных в Пензенской губернии, при заводах, в селе Райском. Жило нас много в разных флигелях, и мне понадобился расторопный мальчик для побегушек.

Попросил я об этом знакомого мужика. Мужик подумал и говорит: «Это трудно, — хозяйского сына ни одного отцы не отдадут, а разве, говорит, можно попробовать Перестанкина сына».

— Мне, — отвечаю, — все равно. Я мальчика обижать не буду.

— Да обижать зачем. Дитю обидишь — бог обидит.

— Ну так ты так и скажи его отцу.

Собеседник мой выразил недоумение.

— Какой же, — говорит, — у него отец?

— Я не знаю, какой он.

— У него отца нет, — перестанкин сын, так какого он отца знает.

— Кто же его мать?

— Девка, — она допреж к заводским робятам ходила, да перестала.

— Вон что!

— Да. А ты не понял?

— Сначала не понял.

— Просто. За что же ее и перестанкой зовут? У нее заболуйный парень есть... Хороший паренек, тебе бегать очень снадобится.

Вот мне и объяснился простой, но верный корень замысловатой фамилии.

Этот «заболуйный перестанкин сын» был у меня «на побегушках», чистил мне сапоги, обучен мною грамоте и был впоследствии определен в контору, где его прямо так и начали кликать: «Перестанкин»!

Таким образом открылся новый род, потомки которою со временем тоже, пожалуй, станут думать о себе «выше среднего» и захотят рассказывать, что у них «герольд сопрел».

Польская шляхта, не доказавшая своего дворянства, всегда жалуется, что у них «герольд спалён», то есть сторел; а у наших он всегда «сопрел».

Отчего бы это? Должно быть — дело вкуса и фантазии.

Разумеется, все это, что я теперь написал, крайне несерьезно и более похоже на шуточные воспоминания, а не на исторические кор-

рективы к нашим родословиям, но что же делать, если так бывает с самыми серьезными вещами, что великое близко соприкасается с суетным, и от этого общего закона не убегает даже и русская геральдика.

Во вкусе же народном, — если кто хочет это проверить, — самыми лучшими прозвищами почитаются прозвища «по страны» (то есть по стране), а «не от имени человека». Самое лучшее прозвание у нас идет от края, от города, даже от села, вообще от местности: князь «черниговский», «одоевский», воевода «севский», «гадячский», «ломовецкий» барин, «воронецкий» поп, «рятяжевский» староста. Все «от страны». Старому почетному «седуну» на месте название того места придается, и это есть почет. От «ломовецкого барина» идут и дети его, тоже «ломовецкие господа». И всех таких прозваний «по стране» нет для народного вкуса законнее и «степеннее». И слух народный на этот счет удивительно разборчив. Одно время множество вполне незначительных людей, носящих фамилию Валухины, «выводили себе герольда» и усиливались производить свое прозвище от города Валухи, но

простые староверы им разъясняли, что их геральдическая претензия неправильна. А прозвище их, по народному соображению, надо выводить от «валуя», то есть от того старинного особых дел мастера, который вил воловьих жилы или бил людей этими «валуями».

Правы ли староверы — не знаю, а только можно пожалеть, что они и другие наши простолюдины еще не скоро будут читать книгу Карновича. Они бы, может быть, по ней многое, наконец, уяснили, что останется непонятным для некоторых наших малоначитанных и почти не знающих русской жизни ученых.

[4]

Существует довольно распространенное мнение, будто народ русский, кроме многих иных отменных качеств, которыми он превосходит иные народы, еще отличается природным «демократизмом». В печати так и не обинуясь и говорят: «наш русский народ от природы своей — демократическая нация». Другие этому и не верят и смеются, указывая на довольно общие и убедительные факты, как всякий русский охотно «лезет выше своего звания» и отчего у нас почитают «вышед-

шими в люди» только тех, кто именит и от прочих отличен по заслугам или даже и без оных. Само простонародье, почитаемое нынче за вернейший коэффициент народности в России, говорит: «народ ломлив», то есть любит «ломиться в честь», чтобы «в чести ломаться». Любит поклоны, любит чваниться, ищет лучших мест на сборищах и пирах, любит потеснить слабого и показать над ним свое могущество. Словом, в этом отношении русский человек, кажется, таков же, как и большинство людей на свете, и я никакого своего мнения об этом прибавлять не стану, но укажу только одну смешную странность: замечательно, что эти самые русские люди, которые так любят получать медали, звания и всякие превозвышающие отличия, сами же не обнаруживают к этим отличиям уважения и даже очень любят издеваться. А. П. Ермолов в Москве звал, например, своих лакеев «советниками», и в Москве, бывало, беспрестанно слышишь, как в трактирах гость в сибирке кричит пробегающему половому: «„советник“, подай кипяточку!» Самого грязного халатника-татарина у нас все в один голос кли-

чут «князь», и всякий татарин оборачивается на эту кличку. Теперь опять новый и замечательный прием смешанной насмешки с притворством: обращается простолюдин к городовому, а в селе к уряднику, величая его «полковник». И это делают не одни простолюдины, а и образованные люди. «Урядник зауряд полковник», а каждый пристав — «ваше превосходительство». Зачем это так делается без всяких условий и подговоров, — я уж этого не знаю; а только действительно урядников зовут полковниками, а приставов — генералами. И это делают те самые люди, из которых редкий разве не хотел бы быть сам генералом, а иной даже сумел бы хорошо и погенеральствовать.

Вот и судите этот народ, аристократичен он, или он «от природы своей — демократическая нация». А если судить по житейским мелочам, то, кажется, можно подумать, что у нас на этот счет во всех слоях общества стоит гораздо больший хаос, чем у других людей, выработавших себе из своего аристократизма или демократизма что-либо определенное и пригодное к делу.

Примечания

«Родовые прозвания и титулы в России и влияние русских с иноземцами» Е. Карновича. СПб., 1886 (прим. Лескова).

[^^^]

Нерусское обличье из Толстых находили у покойного музыкального критика Феофила Матв<еевича> (Ростислава), но и это несправедливо: вся его шиловатая фигура и особенно выражение его лица поразительно напоминали «Моркотуна», крепостного господского музыканта, тип которого и был им недурно описан (см. «Моркотун»). Коверкают или неумышленно переделывают прозвища не одни простолюдины, а и люди высшего общества. Нечто подобное, и притом очень характерное, было с упомянутым сейчас псевдонимом Феофила М. Толстого, что и известно многим живущим людям. Псевдоним Ф. Толстого был «Ростислав», но кн. А<ндрей> Б<арятинский> совсем неумышленно его переделал и раз в присутствии живых поныне свидетелей сказал ему:

— Ты знаешь, я тебя люблю, и то, что ты пускаешься в литературу и водишься с писателями, — бог с тобою, но я не могу тебе простить: для чего ты подписываешься «Брандахлыст»?

Ф. М. этим обиделся, но искренность кн. А. Б. заставила его простить ему это дружеское замечание, так как оказалось, что «никогда ничего не читавший» кн Б. и подпись «Ростислав» поленился «прочестъ в подробности», а взглянул на нее «поверхностно» и потом долго скорбел: зачем друг его и приятный в обществе человек подписывается «Брандахлыст» (прим. Лескова).

[^^^]

Я знаю Вуколовых, которые непременно хотят производить себя «из Сербии». Вуколовы — должно быть, из Сербии (прим. Лескова).

[^^^]

Валуи — это, очевидно, что-то тождественное или близкое к понятию, выражаемому словом «заплечный мастер», или палач. В старых (патриарших) Прологах все еще упоминаются валуи и били валуями, то есть жилами воловьими, прототипами кнутов и плетей, уничтоженных при Александре II (17 апреля 1863 года). Вспомнив здесь об этих деятелях, невольно вспоминается и то, что многие из палачей, по игре случая, имели очень звучные и приятные фамилии, — так, например, по Петербургу прославили себя Никита Хлебосолов, Петр Глазов (давший будто свое имя известному Глазову кабаку), Василий Могучий, Степан Сергеевич Карелин (профессор своего дела) и Генрих Пасси. Каждое имя одно звучнее другого, а особенно Хлебосолов (см. «Русск<ий> арх<ив>», 1867 г.).

«Обаче горе тому, его же имя полнее дел его».

Как чуток народ и как смысленна его памятьливость, это обнаруживается иногда удивительно. Чаще многих, например, встреча-

ется очень распространенная простонародная фамилия Половцевы. Где есть «половецкий шлях» или «половецкий брод», там эту местность непременно кругом обсели Половцевы. В Орле немного повыше так называемой «Хвастливой мельницы» (или плотины) был, а может быть и теперь есть, «Половецкий мост» через Оку, а по сторонам «дворы», и тем дворам так и имя было «половецкие дворы», а жители этих дворов все «половцы» (один из них, Спиридон Половцев, заслужив много орденов в военной службе, был швейцаром у князя Трубецкого и был могущественный своего времени делец и замечательный взяточник). Но как ни много Половцевых, а народ все-таки редко кличет просто Половцев, а всегда «придает» — шелудивый, или «шелудивый половчин», или «половецкий шелудяк». Между тем жители от половецкого моста народ очень чистый, и вид их таков, что ничем не напоминает о такой неопрятной, заразной белезни, как шелуди. Отчего же дается им этот неперемный придаток к фамилии? Сему есть историческая причина, и она станет ясной и понятной всякому, кто когда-нибудь

со смыслом и памятно читал в Киево-Печерском патерике благочестивое сказание о возведении «небеси подобной» Лаврской церкви. Там, между прочим, читается, что грабившие (в 1096 г.) Русь половцы были «шелудивы» до того, что и сам их хан Буняк, «посылитель бога христианского», тоже был весь «в шелудях» (прим. Лескова).

[^^^]